
И. Н. ВИБЕ

**СУДЕБНЫЕ ДЕЛА О СМЕНЕ ВЕРЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ
ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
САМОДЕРЖАВИЯ В ЗАПАДНОМ КРАЕ (1830–1855)***

Судебные дела о смене веры представляются важным источником для изучения взаимоотношений между центром и западным регионом Российской империи. Они содержат ценные сведения о мероприятиях светских и церковных учреждений, регулировавших религиозные перемены населения Западного края. Учитывая то, что количество таких дел значительно возросло в 1830–1855 гг., они являются весомым дополнением к источниковой базе по изучению николаевской эпохи. Об этой разновидности судебных материалов мало что известно и они не были объектом специального изучения. Документы из судебных дел о смене веры не были опубликованы и широко не использовались в исследованиях.¹

---

* Статья выполнена при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung (Германия), специальная программа для историков Беларуси, Молдовы, России и Украины, грант AZ 10/SR/06.

¹ Для XIX в. характерным было цензурное «табу» на эту тему. Доступ к архивам с такими документами получали с высочайшего разрешения единицы из российских чиновников. В николаевское время часть материалов изучал Д. А. Толстой, но использовал лишь общие формулировки о пропаганде католицизма в России и включил их в свою известную антикатолическую книгу (*Толстой Д. А.* Римский католицизм в России: Ист. исслед. СПб., 1876–1877. Т. 1–2). Ряд судебных процессов, крупнейших в 1830–1850-х гг. (дело крестьян деревни Порозово Гродненской губернии), кратко пересказал преподаватель гродненской гимназии Е. Ф. Орловский, со значительными пропусками и согласуясь с официальным подходом к таким делам (*Орловский Е. Ф.* Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии. 1794–1900 гг. Гродно, 1903). Церковным историком прот. Г. И. Шавельским впервые было привлечено множество документов из белорусских архивов. Это позволило восполнить также ряд утраченных со временем дел, хотя они изложены в пересказе (*Шавельский Г. И.* Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910). В новейшей работе историк Л. Е. Горизонтов опубликовал несколько текстов из следственных дел 1850–1860-х гг. (*Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX–начало XX в.). М., 1999). Белорусская

Данные дела приобрели высокий государственный статус в связи с политическими событиями того времени. Сопротивление поляков, охватившее в 1830–1831 гг. обширные земли запада Российской империи, стало грандиозным потрясением существовавших отношений между центром и западным регионом. В чиновных кругах в это время с католичеством как польской верой связывали нелояльность к Российской империи. Имперская администрация пыталась укрепить свое положение в Западном крае и создать лояльное большинство среди местного населения, обратив в православие огромное число крестьян-униатов, а с ними и католиков. Вместе с тем в борьбе с католичеством, по замыслу властей, важным было сохранить законность правительственных мер. Поэтому многие спорные вопросы в отношении вероисповедания жителей переносились в суд.

Обычно делопроизводители XIX в. присваивали таким делам стандартный заголовок — «Дело о совращении <отступничестве> <имя-рек> из православия в католичество». Эти дела представляют собой комплекс документов, отразивших судебно-следственный процесс от его зарождения, с момента подачи донесения об «отступнике», и до его окончательного результата, с оставлением случая без последствий или определением наказания. Они включают переписку высокопоставленных чиновников, губернаторов, епархиальных православных епископов, а также допросные речи подсудимых, показания их родных, близких и соседей. В архивах России, Украины и Белоруссии выявлено более 300 судебно-следственных дел 1830–1855 гг.

Дела сохранились неравномерно за разные годы и по разным ведомствам. В фондах высших и центральных учреждений находится более 100 дел. Основная часть этих дел сосредоточена в Российском государственном историческом архиве, в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (ф. 821). К обер-прокурору Синода из православных консисторий зачастую обращались архиереи с донесениями об «отступничестве» прихожан. Поэтому дела о смене веры выявлены и в фондах православного ведомства (ф. 796 — канцелярия Синода; ф. 797 — канцелярия обер-прокурора Синода; ф. 815, оп. 15 — канцелярия митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского). Около десятка дел о католиках, находящихся из-за вероисповедания под надзором, выявлено в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 109 — III Отделение Собственной е. и. в. канцелярии; ф. 1717 — Собственная канцелярия шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа). В фондах высших и центральных учреждений сохранилось наибольшее количество дел за период с 1842 г. по 1855 г., а с 1839 г. по 1842 г. — только отдельные дела. Хотя отсутствуют дела за 1830–1839 гг., информацию о данном периоде можно частично реконструировать на основа-

---

исследовательница Е. Н. Филатова использовала выписки из судебных приговоров (Филатова Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772–1860 гг. Минск, 2006).

нии материалов позднейших дел, в которых делопроизводители обращались к сюжетам прошлого времени.

Эти учреждения являлись высшей инстанцией для судебных дел о смене веры. Первоначально дело из губернии поступало в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оно включало выписку из следственных материалов с кратким изложением обстоятельств возникновения дела, результатов следствия и постановления суда, а также выводы губернатора. Чиновники проверяли соответствие вынесенных приговоров существующим законам и составляли заключение по делу. В случае выявления нарушения они обращались в губернию и запрашивали дополнительные документы по делу. Если требовалось, то губернатор передавал в департамент для временного пользования подлинное судебное-следственное дело. Составленное заключение, подписанное директором департамента и утвержденное министром внутренних дел, поступало в Сенат, а с 1839 г. — в Секретный комитет по делам о раскольниках и отступниках от православия, и затем — на рассмотрение Николая I.

Между тем различные документы показывают, что при разборе громких и конфликтных дел деятельность высших сановников выходила за рамки формализованного законом порядка. В самых трудных случаях заводилась переписка с обер-прокурором Синода, главой III Отделения, реже с министром финансов. Целью переписки было собрать как можно больше информации о деле, возможно проходившем и по другим учреждениям. Попутно выяснялись мнения ведущих сановников по конкретным ситуациям. До самого момента подтверждения императором приговора еще была возможность юридических маневров для определенных дел. При решении конфликтов сановники учитывали политическую обстановку в определенной губернии Западного края и соотносили принятые решения с конкретными конфликтными ситуациями. Отдельные прецеденты давали основание для разработки новых статей религиозного законодательства.

Дополнить дела высших и центральных учреждений, а также восстановить утраченные документы Департамента духовных дел² можно по материалам местных органов власти. Важнейшие судебное-следственные дела сосредоточены в фондах губернских канцелярий. Они представляют собой комплекс документов, характеризующих развитие судебное-следственного процесса на губернском уровне, с момента подачи донесения об «отступнике» и до принятия заключительного документа в канцелярии губернатора. Выявлено 158 дел за 1830–1855 гг. в Национальном историческом архиве Беларуси (ф. 1297 — канцелярия витебского, могилевского и смоленского генерал-губернатора) и в Центральном государственном историческом архиве Украины, г. Киев (ф. 442 — канцелярия киевского, подольского и волынского генерал-губернатора). Эти материалы дополняются рапортами военно-уездных начальников (НИАБ,

---

² Из-за пожара в здании МВД и Департамента духовных дел иностранных исповеданий в 1862 г. часть документов была утрачена.

ф. 2712 — г. Витебска; ф. 2646 — г. Полоцка). Достоинством этих дел является то, что они помогают существенно восполнить лакуны в корпусе документов высших учреждений за 1830–1839 гг. Именно эти дела позволяют выяснить обстоятельства, которыми руководствовался губернатор при составлении заключения по делу. На основе предложений, мнений, комментариев губернатора можно установить соотношение принимаемых решений с правительственной политикой.

Для понимания механизмов реализации этноконфессиональной политики в Западном крае большое значение имеют распоряжения, предписания и запросы губернатора в местные судебные учреждения. Они содержат указания судам о необходимости ускорить рассмотрение дела, предоставить дополнительные сведения о новых обстоятельствах дела и отчет о текущем состоянии судопроизводства. Рутинная местная делопроизводительная работа позволяет выявить мельчайшие подробности и нюансы взаимоотношений губернской власти с населением в ходе религиозных судебных процессов. Документы местных судебных учреждений дополняют и детализируют общую сюжетную линию в каждом деле об «отступниках». Секретари уездных уголовных судов описывали завязку всего тяжёлого дела с использованием прямой речи участников следствия, пересказом с места опроса и бытовавших на этот счет среди других жителей слухов. Они составляли протокол суда, используя расхожие религиозные клише. Так, обвиняемые назывались «заблудшими», «отступившими от прародительской греко-российской веры», «свернувшими в латинскую веру». По завершении рассмотрения дела в уездном суде составлялась выписка с кратким изложением стадий следствия и суда и приговором со ссылками на законы (см. рис.). В таком виде судебные материалы передавались в канцелярию губернатора, которому полагалось вынести свое решающее заключение.

Важнейшей составной частью таких дел является переписка губернаторов и епархиальных православных епископов. Она дает представление о роли светской и церковной властей в миссионерской кампании и в судебной практике по делам о смене веры. Данные документы дополняются делами православных духовных консисторий. В ЦГИАК Украины (ф. 127 — Киевская духовная консистория) найдено 88 церковных дел об «отступничестве» из православия в католичество. Они представляют собой комплекс документов по той части судебного-следственного процесса, которая касалась церковного ведомства, и зачастую вообще начинались с этой инстанции — с донесения священника о замеченном им факте «отступничества» в своем приходе. Эти дела содержат протоколы церковного суда с указанием информации об «отступниках» и вынесенным по этому делу решением. Также примечательны сопроводительные документы с комментариями православных епископов. Важным является то, какие факты и обстоятельства рассматривались епископами как необходимые для дальнейшего развития дела. Епископы могли остановить донесение на уровне церковного суда или же обратиться с иском в гражданский уголовный суд.

1836
А. Савинский, Ровенский
Монах в Захарово урочище
святи Стані 24. 1836 г. и
1820. —

Минская палата уголовного суда в Минской
провинции в лице уполномоченных
и в лице приговоривших к тому
и в доверенности сего от нас
востановит от перемещенных приговорив
ших в лице в Захарово урочище и
то приговоривших прочим
в лице приговоривших и востановит
в лице приговоривших востановит
Минская палата уголовного суда

Решение Минской палаты уголовного суда об отступничестве от православия
в католичество дворян Ходасевичей, 24 сентября 1836 г.: НИАБ, ф. 145, оп. 2,
д. 94, л. 140

Одними из первых судебные процессы по религиозным обвинениям были начаты в Киевской, Волынской и Витебской губерниях. Можно констатировать, что такие дела начинались, как правило, по жалобам православных священников. Донесения священников стали поступать в канцелярии губернаторов еще на завершающем этапе польского восстания. До восстания личные обращения православного духовенства, тем более приходских священников, к гражданским властям не практиковались. Примечательна риторика православных клириков, пыгавшихся придать религиозным поступкам и высказываниям поляков не духовный, а политический смысл. С их слов, помещики не просто «бранились», когда угрожали «обрить голову и бороду» либо «вырвать бороду по волоскам», а таким способом посягали на символику и устой «господствующей» православной церкви.³ Помещики пока имели возможность защищать себя и использовали в таких ситуациях право обращения к губернской власти. Губернская администрация, столкнувшись с конфликтами на религиозной почве, не имела еще опыта и официальных указаний о способах их разрешения.

Ряд подобных дел в конце 1831 г. по высочайшему повелению был отдан в уездные уголовные суды. Николай I подчеркивал ту значимость, которую он отныне придавал делам православия. Император был заинтересован в том, чтобы борьба между православием и католичеством была переведена на легальную — в данном случае судебную — основу и не выглядела как самоуправство российской власти над католиками. Николай I хотел именно в судебном порядке отстаивать претензии по отношению к так называемым «отступникам» и законным путем доказывать их принадлежность православию. Единичные дела не вызывали религиозных конфликтов и возмущения поляков. Сановники не решались на масштабные мероприятия и сохраняли религиозную унификацию Западного края лишь как проект. Привычная судебная процедура не выдавала намерений российского правительства, в планы которого в дальнейшем входило обращение местных жителей в православие. С началом в 1833 г. миссионерства православного духовенства в западных губерниях число судебных дел значительно возросло.

Имперской властью судебный механизм использовался как минимум в двух целях — для утверждения «отступника» в православной вере и для репрессивного воздействия на прихожан, «упорствующих» мерам правительства. Российские чиновники заведомо и до расследований местных судей считали подсудимых православными. Ключевая роль в судебно-следственных процессах по религиозным делам принадлежала губернаторам. Решения губернатора, наделенного широкими должностными полномочиями, могли быть переломными для всего дела. Он задавал тон дальнейшему характеру дел о религиозных преступлениях и мог способствовать разному их развитию. В компетенцию губернато-

³ ЦГИАК Украины, ф. 442, оп. 1, д. 924, л. 1 об., 2.

ра входило возможное отклонение приговора суда, а значит, освобождение подсудимого от обвинений и наказания. Также он мог в отношении подсудимых лиц применять наказания, называемые «менее тяжкими» — арест (до одного месяца), тюремное заключение (до трех месяцев) или работа на монастырских землях (для крестьян). Анализ утверждаемых властями наказаний опровергает традиционное представление в историографии об однозначно жестком характере миссионерской кампании российской власти в Западном крае. После польского восстания власть опасалась всколыхнуть своими жесткими мерами большинство населения. Более того, верховная власть относилась особым образом к делам о религиозных переходах и не поддерживала идеал «воинствующей» православной церкви в этом сложном поликонфессиональном регионе.

Губернаторы в отношении «отступников» демонстративно действовали с соблюдением законной процедуры и для так называемого «возврата» в православие использовали обычный прием бюрократических проволочек. Они возвращали следственные материалы на рассмотрение в суды, чтобы там продолжили поиск доказательств виновности или невиновности обвиняемого, а тем временем обвиняемых отправляли на обучение догматам православной веры. Данная тактика была типичной и сводила переписку по делу к редким губернским запросам в суды и под нажимом губернской администрации оказывалась действенной во многих случаях. Отрыв от хозяйственных работ и от семьи нередко заставлял крестьянина давать подписку о принятии православия, которой он сразу освобождался от уголовного суда.

Другой характер приобретало делопроизводство в случаях «упорства» подсудимых. По инициативе самого губернатора рядовое дело могло перерасти в политический процесс. Детали подобных дел являются важнейшими в выявлении технологии фабрикация процесса по религиозным делам в первой половине XIX в. Чиновники устанавливали круг возможных участников этого процесса, для чего выявлялось ближайшее окружение главного обвиняемого. К следствию привлекали людей, заранее определив уязвимые стороны в их биографиях или в социальном положении. Широко использовались обвинения в нарушениях религиозного законодательства, а именно незаконной смене веры или пропаганде католичества среди православных прихожан. Характерным для следственных дел становится то, что борьба с поляками теперь осуществлялась под видом защиты религиозных интересов православного населения. Для анализа того, как выстраивались подобные дела, обратая новыми аргументами, а религиозным обвинениям придавалась политическая окраска, показательны материалы из канцелярии витебского, могилевского и смоленского генерал-губернатора Н. Н. Хованского по делу 1833–1836 гг. полоцкого уездного предводителя дворянства Л. Е. Беликовича. Документы этого дела демонстрируют, как работала государственная «машина», как из маленького случая по обвинению в переходе из православия в католичество нескольких крестьян селения

Экиманки Витебской губернии зарождался крупный процесс против влиятельных лиц.⁴

Данный процесс был начат по инициативе православного полоцкого епископа Смарагда (А. П. Крыжановского), пытавшегося доказать вину крупного помещика и владельца экиманских крестьян, Л. Е. Беликовича. В это же время в соседней Волынской губернии архиепископ Иннокентий (И. М. Сельнокринов-Коровин) обвинил староконстантиновского уездного предводителя дворянства К. П. Кноля, взявшегося ходатайствовать за насильно переведенных в православие двух помещиц-католичек. Решающим фактором в подобных конфликтах были поддержка и расположение светской администрации. Православные архиереи искали содействия генерал-губернатора Н. Н. Хованского. В его канцелярию по этим делам передавались донесения, рапорты приходских православных священников и полицмейстеров с показаниями свидетелей, а также выписки из постановления церковного суда. Важнейшим звеном в развитии дела был секретарь губернской канцелярии И. Ф. Глушков. Очевидно, он играл немалую роль в продвижении и успехе ходатайств. Через него для получения одобрительных решений действовал полоцкий епископ Смарагд. Епископ в письмах к Глушкову допускал неформальный тон, обращаясь к секретарю и справляясь о его здоровье. Кроме того, у секретаря он выспрашивал об обстоятельствах и делах в губернской канцелярии. Для его же личной переписки с Хованским характерен официальный язык, что является свидетельством сугубо деловых и, возможно, даже натянутых взаимоотношений.⁵ По архиерейскому донесению было начато следствие.

Вся документация, обычно составляемая в уездных судах, по делу Л. Е. Беликовича формировалась в канцелярии генерал-губернатора. Для конспирации и во избежание утечки информации переписка велась под грифом «строго секретно» или «конфиденциально». Поэтому круг осведомленных и посвященных в это дело, как и в остальных подобных случаях, был крайне узок.⁶ В него входили: генерал-губернатор, губернатор, военно-уездный начальник, секретарь губернской канцелярии — со стороны гражданской власти и возглавлявший православную епар-

---

⁴ Документы по этому процессу находятся: НИАБ, ф. 2646, оп. 1, д. 16, 17. Они дополняются опубликованной перепиской полоцкого епископа с чиновниками. Подробнее см.: Письма епископа Полоцкого Смарагда к И. Ф. Глушкову (1834–1835) // Русский архив. 1891. № 1; Письма епископа Полоцкого Смарагда к князю Н. Н. Хованскому (1833–1835) // Там же. № 8.

⁵ О неприязненных отношениях между генерал-губернатором Н. Н. Хованским и епископом Смарагдом см.: Письма епископа Полоцкого Смарагда к обер-прокурору Святейшего Синода С. Д. Нечаеву о частных присоединениях униатов // Уния в документах: Сб. Минск, 1977. С. 456–458.

⁶ В декабре 1830 г. могилевский губернатор М. Н. Муравьев предложил губернаторам соблюдать особую секретность в переписке о религиозных конфликтах, чтобы не допустить распространения слухов между поляками и обезопасить российскую власть от политических провокаций (Четыре политические записки графа Михаила Николаевича Муравьева Виленского // Русский архив. 1885. № 2. С. 162).

хию епископ и секретарь епархиальной консистории — со стороны церковной власти. Многие тексты переписки между ними неформальны, в отличие, к примеру, от бюрократических делопроизводственных документов. Это позволяет выявить мнения губернских чиновников о религиозных мероприятиях, выраженные вне заданного этикета документальной переписки. Множество сопутствующих основной переписке документов (рапорты военно-уездных начальников, агентов, отзвы епископа, показания частных лиц) свидетельствует о затруднениях в формировании обвинений против польских дворян.

Местное дворянство имело пути защиты своих интересов, обращаясь к поддержке дворянских сообществ — дворянских собраний и через них к самому императору. Сам Л. Е. Беликович, являясь уездным предводителем дворянства, не был легко уязвим. Предводитель был главою дворянского общества, созданного для охранения прав местных дворян и организации их социальной жизни. Поэтому эту должность занимали, как правило, почитаемые люди, избираемые дворянским собранием уездного уровня, вверявшим ему попечение о малоимущих дворянах, хранение и расходы казны дворянского общества и т. д. Предводители участвовали почти во всех делах и в уездной администрации, имея возможность защищать дворян от чиновничьего произвола. Это право они активно использовали, обращаясь через губернские дворянские собрания к чиновникам губернского уровня. Их ходатайства могли дойти и до самого императора. И тем не менее в начале данных событий обе стороны собирали друг о друге информацию и разведывали о намерениях. В конце 1833 г. Хованскому было донесено, что витебские дворяне написали коллективное обращение Николаю I и оно было перехвачено почтмейстерами. Скорее всего, это повлияло на ужесточение надзора за витебским дворянами, а в частности — их предводителем Беликовичем.

Для самого Беликовича были очевидны намерения губернских чиновников, пытавшихся доказать его вину в религиозных преступлениях. С допросами приезжали чиновники к проживавшей в Экиманке бабушке Беликовича. Властями была дана санкция на арест его знакомой, дворянки Щегельской, которую обвинили в «отступничестве» из православия в католичество и признали необходимым отправить ее из Витебска для обучения догматам православной веры к полоцкому епископу Смарагду. Под надзором военного начальника А. А. Агатонова, ревнителя православия и рьяного сторонника епископа, велось наблюдение и сбор информации о поляке и его знакомых. Под его же контролем проводили допросы секретарей уездного предводителя Беликовича. Приведем отрывок документа, важного для рассмотрения придаваемого вероисповедным делам в то время политического характера. Это показания от 16 мая 1837 г. находящегося в тюрьме чуть меньше года за причастность к делу Беликовича бывшего секретаря Лятковского:

«Наперед сего в прошлом 1836 году в сентябре месяце требован я был господином витебским генерал-губернатором и кавалером⁷ для спроса по производимому исследованию о сочинении прошения от имени крестьян Себежского уезда помещика Ульяновского.⁸ В какое время я находился вольнонаемным для письма в канцелярии господина полоцкого уездного предводителя дворянина Беликовича. А как более не находил никаких средств к содержанию себя, то тем только и снискивал себе дневное мое пропитание, где также находились католического исповедания, как он сам господин Беликович, секретарь его Сыцяно, так и прочие, которые мне известно противны были к согласности и приращению православной веры <...> Я тогда не предвидел никаких других возможностей к приисканию какой-либо должности или занятия, которая предоставила мне возможность к дальнейшему пропитанию. Все мои знающие меня и родственники одной мысли с выше прописанными чиновниками. Ныне же по принятии мною православного греко-российского исповедания, раскаиваясь пред Богом в присутствии духовного отца во всех прежних моих преступлениях, познав, что обращение выше прописанных крестьян клонится к единственной пользе государственной. А потому вознамерился открыть вашему высокоблагородию всю истину в ниже следующем: 1) что я таковое прошение 1836 года в первых числах мая месяца по личной просьбе крестьян переписывал точно с сочинения и почерка руки предводителя Беликовича, но сам ли он дал <текст прошения> тем крестьянам или кто другой — того не знаю; 2) касательно же дворянки девицы Щегельской видел я часто и почти ежедневно приезжающую ее на дрожках предводителя Беликовича, которая с ним, с Беликовичем, тайно в двух, в особой комнате, имела разговоры, которые всегда видели письмоводитель Антоний Сыцяно, протоколист дворянской опеки Федор Ходаковский и служители его — предводитель Альфонс и Стефан Голубицкие. А как секретарь Сыцяно часто входил в ту комнату, где разговаривал Беликович с Щегельскою, то, вероятно, знал все, по какому делу бывала Щегельская и о чем таковой тайный между ними был разговор».⁹

Из документа видно, как чиновники использовали против Беликовича любую зацепку. Изначально были сведения о том, что в канцелярии уездного предводителя составлялось на имя монарха прошение, в котором описывались действия православных священников, насильно обращавших католиков в православную веру. Лятковский дал не вполне четкие показания об авторстве этого прошения. С одной стороны, текст прошения был «точно сочинен» предводителем дворянства Беликовичем и написан его почерком, а с другой — к его написанию был причастен еще какой-то неизвестный человек. Обвинения по поводу миссионерской деятельности православной церкви в это время чиновниками могли объясняться как выражение нелояльности российской власти. Лятковский все-таки подтвердил знакомство Беликовича с «неблагонадежными» лицами, в отношении которых уже велись судебные дела по поводу их «отступничества» от «господствующей» веры (дела Щегельской, Голубицких). Свидетельства Лятковского оказались весомыми для того, чтобы и Беликович был привлечен к суду. Лятковский своими показаниями и согласием на принятие православия покупал право на

⁷ Имеются в виду Н. Н. Хованский и А. А. Агатонов.

⁸ Помещик Ульяновский был знакомым Беликовича.

⁹ [Копия записки военно-уездному начальнику II округа Витебской губернии, подполковнику А. А. Агатонову, отставного губернского секретаря Лятковского от 16 мая 1837 г.]: НИАБ, ф. 2646, оп. 1, д. 17, л. 4 об.–5 об.

свободу из тюремного заключения.¹⁰ Он неоднократно подчеркивал, что пошел на службу в канцелярию католика только из-за бедности. А для выражения лояльности российскому правительству он использовал суждения о том, что правительственное дело обращения в православие крестьян «клонится к единственной пользе государственной», а сам он, его родные и знакомые — «одной мысли с выше прописанными чиновниками». Данный фрагмент показывает, что в николаевскую эпоху религиозные дела были особо значимыми для правительства.

Для губернской администрации, в свою очередь, была невыгодна огласка фактов злоупотреблений со стороны православного духовенства, допускаемых в ходе миссионерской кампании. Начальство старалось не выносить за пределы губернии конфликт с местным дворянством. Тем не менее 7 декабря 1835 г. дворянским собранием витебских предводителей было составлено подписанное 172 помещиками обращение, вскоре переданное Николаю I. Дворяне приводили сведения, которые компрометировали, по их мнению, деятельность церковного и гражданского начальств, и пытались показать свое недовольство осуществляемыми религиозными мероприятиями. Они сообщали о незаконных «обращениях» в православие католиков, о закрытиях каплиц, костелов и, более того, о привлечении православными священниками самих помещиков к суду. Ссылаясь на свое положение как наиболее близкого к трону сословия, дворяне претендовали на поддержку и защиту со стороны императора. Дворяне осознавали, что миссионерство православного духовенства не могло осуществляться без покровительства самого императора, но заявлять об этом открыто — значило вмешиваться в политику и обвинять самого монарха в нарушении закона. Из Петербурга последовал дворянам ответ, которым им было запрещено участвовать в делах, относящихся к церковной компетенции.

Вместе с тем конфликт между местным дворянством и православным духовенством послужил поводом к пересмотру методов проведения вероисповедной политики в Западном крае и новым административным назначениям. Верховная власть опасалась обострять отношения с дворянской знатью западных губерний. Сама подготовка документа, объединившая многих помещиков, выявила сплоченность местного дворянства. При этом опасным для местной и центральной власти было то, что это происходило в недрах дворянских собраний, под руководством дворянской верхушки и влиятельных ее деятелей. Большую угрозу

---

¹⁰ Лятковский обратился с просьбой о своем деле к генерал-губернатору Хованскому: «Открыв пред Вашим высокоблагородием все таковые обстоятельства чистой совести и долгу присяги, припадаю к стопам, всепокорнейше и слезно молю: не оставить, по милостивому вашему великодушию быть отцом и покровителем моим, где следует предстательством у начальства в облегчении участи моей, меня столь долго изнуряющего в тюремном заключении, чрез что пришедшего в совершенное нездоровье, освободить, хотя на некоторое время, на поручительство и чему я доставлю благонадежнейших и советных веры достойных людей, а тем самым и будет мне дальнейшим поощрением к узнанию что-либо к пользе государственной...» (Там же, л. 5–5 об.).

представляла идеологическая подоплека действий дворян, объяснявших свою позицию защитой веры. В данном случае они пытались отстаивать свои интересы легитимным путем. Поэтому этот путь был оценен верховной властью, относительно миролюбиво решившей эту проблему. Император пожертвовал губернскими чиновниками.¹¹ Кроме того, исход этого противостояния с дворянством показал властям, что они могли с помощью судов проводить свои решения и таким способом доказывать законность претензий к новообращенным крестьянам. Эта схема действовала, а значит, это открывало путь к кардинальным переменам в религиозной жизни населения.

В целом такой вид источников, как судебно-следственные дела об отступниках в католичество, позволяет избежать стереотипных представлений об однозначно репрессивной политике российской власти после польского восстания в Западном крае. Эти дела показывают, насколько подход властей был гибким и участь отступников решалась в зависимости от конкретной ситуации и обстоятельств конкретного дела. Для российского правительства этот регион был очень сложным и трудным. Используемые механизмы и, в частности, контроль религиозных переходов не имел значительных результатов, а судебная тактика не отвечала общим замыслам «православизации» Западного края.

SUMMARY

The article is a study in the peculiarities of the primary sources on ethnic and confessional policy of the Russian imperial administration in the Western region in the first half of the 19th century. The author analyses the mechanism of shaping the trials' files in the clerical and the secular institutions and ponders over those files rhetoric characteristics and the specifics of the recordkeeping practices. The initiation of trials on 'apostasies' from Orthodoxy to Catholicism and fabrication of their records is examined as an outcome of the rivalry between Russian administration and Belorussian local nobility.

---

¹¹ С должностей в 1836 г. были сняты генерал-губернатор Н. Н. Хованский и витебский губернатор Н. И. Шредер. В 1837 г. полоцкого епископа Смарагда переместили в Могилевскую епархию.